

Конструктор кораблей и фантазий

В 1995 году исполнилось 111 лет со дня рождения Евгения Замятина. Он был большой писатель-реалист, идущий в ранней прозе вслед за Куприным, но прославился своей зрелой утопией. Грандиозным, лишенным привычных имен романом «Мы». То, что его не прославило, было шахматами. Но они сыграли в его жизни роль тайную.

Евгением Замятиным увлекались Горький и Чуковский, Виктор Шкловский и в ранние годы Иосиф Бродский. К нему подходили осторожно, как к многоопытной шахматной фигуре, которая умеет делать неожиданные ходы. Замятин был шахматным конем. Его буква «Г» была всегда непредсказуема.

Он и в литературу вляпался непредсказуемо. Он был инженером-конструктором и строил корабли. Их уже не осталось на Северном флоте - ледоколов «Красин» и «Ленин», а замятинские повести и рассказы остались. И на флоте, и в столице, и в деревне. А когда-то все писали только про ледокол «Красин».

Замятин жил в Англии. До революции. Курил трубку и носил бриджи. Это как-то выделяло его из стройного ряда новых, коммунистических писателей. Впрочем, рядом с ним было много других оригиналов. И, может быть, еще более оригинальных. Важно то, что это способствовало пробуждению утопии.

Романы той поры у многих писателей носят характер чего-то односложного, похожего на невнятное мычание только научающегося говорить ребенка. Названия: «У», «Мы», «Я», «Дыр бул щыл». И вдруг после этого - кристальная ясность мысли, которая видит дальше - до конца алфавита. Что и есть начало утопии. И в конце - молчание. И можно было бы начать алфавит по новой, но поставили точку. Из пули. За кривым «О» раскрытого рта.

В 32-м году с помощью Горького Замятина отправляют лечиться в Англию. Кто-то расценивает это как побег, кто-то как служебную командировку. Но все сходится в одном - он вырвался. В 37-м он умирает. Ровно в год страшных расстрелов. Родная страна могла восхищаться таким параллелизмом. Евгений Замятин жил внутренней жизнью страны. Он видел ее проблемы. Шальная пуля, пущенная морозным утром где-то среди колымской тундры случайным вохровцем в воздух, попала точно в сердце Замятина, который на далеком Апеннинском полуострове в форме сапога коротал время рядом со своей болезнью.

111 - дата мистическая. Три неудовлетворенные единицы требуют расправы с некруглой датой юбилея. Замятин удостоился победы над именем. Он сформулировал абсолютную формулу утопии. Быть таким, как сто впереди стоящих. Лишиться имени. Называться как ход в шахматах: «Бе-7 на аш-5». Он нашел образное решение Красной площади, где каждый бульжник напоминает шахматную клетку. Он отобрал у гордо добравшейся до Мавзолея пешки ее личное местоимение «Я» и увенчал ее одинокое тело похожим на зимний трюх местоимением «Мы». Он подарил маленькому человеку видимость большого количества, тем самым лишив его такого же качества.